

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Къ другу стихотворицу.

Аристъ! и ты въ толпѣ служителей Пар-
насса!

Ты хочешь осѣдлать упрямаго Пегаса;
За лаврами спѣшишь опасною спезей,
И съ строгой крипикой вступаешь смѣло въ бой!

Аристъ, повѣрь ты мнѣ, оставь перо,
Чернилы,
Забудь ручки, лѣса, унылыя могилы,
Въ холодныхъ пѣсенкахъ любовью не пылай;
Чтобъ не слѣзѣшь съ горы, скорѣе внизъ
ступай!

Довольно безъ тебя поэшовъ есть и будетъ;
Ихъ напечатяютъ — и цѣлой свѣтѣ забудетъ.
Быть можетъ и теперь, отъ шума удалясь
И съ слупой музою навѣкъ соединясь,
Подъ сѣнью мирною Минервиной эгиды (*)
Сокрытъ другой опецъ второй Телемахиды.
Спрашися участи безмысленныхъ пѣвцовъ,
Насъ убивающихъ громадою стиховъ!
Потомковъ поздныхъ поэтамъ справедлива
дань;

На Пиндѣ лавры есть, но есть шамъ и крапива.
Спрашися безславя! — Что, еспьли Аполлонъ
Услышавъ, что и ты полезъ на Геликонъ,

(*) Т. е. въ школѣ.

Съ презрѣннѣмъ покачавъ кудрявой головою,
Твой геній наградишь — спасительной лозою?

Но что? ты хмуришься и отвѣчать го-
товъ;
„Пожалуй“ скажешь мнѣ „не прать излиш-
нихъ словъ“;
„Когда на что рѣшусь, ужь я не отступаю,
„И знай, мой жребій палъ, я лиру избираю.
„Пусть судитъ обо мнѣ, какъ хочеть, цѣлой
свѣтъ,
„Сердись, кричи, бранись, — а я шаки поэтъ.“

Аристъ, не шотъ поэтъ, кто риемы
плестъ умѣетъ,
И перьями скрыпя, бумаги не жалѣетъ.
Хорошіе стихи не такъ легко писать,
Какъ Вишгенштейну Французовъ побѣждаетъ.
Межъ тѣмъ какъ Дмишріевъ, Державинъ,
Ломоносовъ,
Пѣвцы безсмертные и честь и слава Россіи,
Пишутъ здравой умъ и вмѣстѣ учатъ насъ,
Сколь много гибнетъ книгъ, на свѣтѣ едва ро-
дятся!
Творенія громкія Риематова, Графова,
Съ тяжелымъ Бибрусомъ гниютъ у Глазунова;
Никто не вспомнитъ ихъ, не спанетъ вздоръ
чистая,
И Фебова на нихъ проклятія печать.

Положимъ, что на Пиндѣ взобравшись ца-
спливо,
Поэтомъ можешь ты назваться справедливо:
Всѣ съ удовольствіемъ тогда тебя прочтутъ,
Но мнишь ли, что къ тебѣ рѣкой уже те-
кутъ,
За то что ты поэтъ, несмѣшныя богатства,

Что ты уже берешь на откупъ Государства,
Въ желѣзныхъ сундукахъ червонцы хоронишь,
И лежа на боку, покоило бшь и спишь?
Не такъ, любезной другъ, писатели богаты;
Судьбой имъ не даны ни мраморны палаты,
Ни чистымъ золотомъ набиты сундуки:
Лачужка подъ землей, высоки чердаки —
Вотъ пышны ихъ дворцы, великолѣпны залы.
Поэшовъ — хвалятъ всѣ, читаютъ — лишь
журналы;

Кашися мимо ихъ Фортуны колесо;
Родился нагъ и нагъ ступаетъ въ гробъ Руссо;
Камоенсъ съ нищими постелю раздѣляетъ;
Кастровъ на чердакъ безвѣстно умираетъ,
Руками чуждыми могилъ предавъ онъ:
Ихъ жизнь — рядъ горестей, гремяща слава —
сонъ.

Ты, кажется, теперь задумался немного,
„Да что же“ говоришь „суда о всѣхъ такъ
строго,

„Перебирая все, какъ новый Ювеналъ“;

„Ты о Поэзии со мною толковалъ“;

„А самъ, поссорившись съ Парнасскими сест-

рами,

„Мнѣ проповѣдовать пришелъ сюда стихами?

„Что сдѣлалось съ тобой? въ умѣ ли ты, или
нѣтъ?“

Аристъ, безъ дальнихъ словъ, вотъ мой ше-
бъ отвѣтъ:

Въ деревнѣ, помнится, съ мирянами про-
сными

Священникъ пожилой и съ кудрями сѣдыми,
Въ миру съ сосѣдями, въ чеспи, довольствѣ
жилъ

И первымъ мудрецомъ у всѣхъ издавна слылъ.
Однажды, осушивъ бушылки и стаканы,

Со свадьбы, подъ вечеръ онъ шелъ немного
 пьяный;
 Попалися ему на встрѣчу мужики.
 „Послушай Батюшка,“ сказали простяки,
 „Настави грѣшныхъ насъ — ты пить вѣдь
 запрещаешь;
 „Бышь трезвымъ всякому всегда повелѣваешь,
 „И вѣримъ мы тебѣ; да чтожь сего-дня самъ...“
 „Послушайте“ сказалъ Священникъ мужикамъ,
 „Какъ въ церкви васъ учу, такъ вы и по-
 ступайте,
 „Живите хорошо, а мнѣ — не подражайте.“
 И мнѣ по самое пришлось отвѣчать;
 Я не хочу себя ни мало оправдать:
 Щасливъ, кто ко стихамъ не чувствуя
 охоты,
 Проводитъ тихой вѣкъ безъ горя, безъ заботы,
 Своими одами журналы не шягчитъ,
 И надъ экспромтами недѣли не сидитъ!
 Не любитъ онъ гулять по высотамъ Парнасса,
 Не ищетъ чистыхъ Музъ, ни пылаго пегаса;
 Его съ перомъ въ рукахъ Рамаковъ не спра-
 шивъ;
 Спокоенъ, веселъ онъ. Аристъ онъ — не пѣитъ,
 Но полно разсуждать — боюсь тебѣ насъ
 кучить,
 И сатирическимъ перомъ тебя замучить.
 Теперь, любезной другъ, я далъ тебѣ совѣтъ,
 Оставишь ли свирѣль, умолкнешь, или нѣтъ?...
 Подумай обо всемъ и выбери любое:
 Бышь славнымъ — хорошо, спокойнымъ — луч-
 ше вдвое.

Александръ Н. к. ш. п.